
УДК 398.2+398.3 (811.512.3)
DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-78-88

**Когда Кабан Учитель разожжет под землей свой огонь...:
об одном персонаже бурятской мифологии**

Н. Н. Николаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

В статье рассматривается персонаж *Гахай багша*, Кабан Мудрец или Кабан Учитель, встречающийся в сказках, героическом эпосе, шаманских призываниях и народном календаре бурят. Новизна исследования состоит в том, что впервые образ *Гахай багша* исследован во всех его ипостасях, определены его атрибутика, функции и семантика. Выявлено, что образ *Гахай багша* уходит корнями в древнемонгольские и в целом общемировые представления о кабане / вепре / свинье, символизирующем плодородие, воплощающем продуцирующую силы земли и живительную силу небесной воды. Также семантика образа *Гахай багша* включает отсылки к культуре кабана-первопредка, бытовавшего у монгольских народов.

Ключевые слова

сказка, героический эпос, шаманские призывания, мифология, народный календарь, персонаж, свинья, кабан

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания; проект № FWSW-2021-0004 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»

Для цитирования

Николаева Н. Н. Когда Кабан Учитель разожжет под землей свой огонь...: об одном персонаже бурятской мифологии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47). С. 78–88.
DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-78-88

**When the Boar Teacher lights his fire under the ground...:
one character of Buryat mythology**

N. N. Nikolaeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

This paper examines the image of *Gakhai bagsha* in fairy tales, heroic epic, shamanic invocations, and the folk calendar of the Buryats. The name of this character includes the *gakhai* 'pig/boar' component. At the same time, it is an anthropomorphic character with obvious mythological roots. *Gakhai bagsha* is a type of simpleton under the guise of a sage who emerges victorious from conflict situations thanks to his luck and coincidence. The epic *Gakhai bagsha* is rather close to the deity of the shamanic-buddhist character. An indispensable attribute of *Gakhai bagsha* in fairy tales and epics is a pig's / boar's head. The mythological basis of this outfit appears in the folk calendar. *Gakhai bagsha* making a fire under the ground is associated with the arrival of spring and the thawing of the earth. In shamanic invocations, he is called the owner of the earth. The image of *Gakhai bagsha* is rooted in ancient ideas

© Н. Н. Николаева, 2023

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (вып. 47)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 3 (iss. 47)

about the owner of the earth embodying the idea of fertility and the heavenly deity controlling the rains and fertility. Not only did the ancient Mongols have such representations. They were also widespread in the world culture. Another aspect of this image is the reminiscence of the totemistic cult of the boar-first ancestor. *Gakhai Bagsha* is likely to have appeared in the folklore and mythological space of Buryats through the Khori-Buryat people. Due to historical reasons, Khori-Buryats were longer influenced by the Mongol world and preserved the ancient Mongolian mythological and totemistic representations.

Keywords

fairy tale, heroic epic, shamanic invocations, mythology, folk calendar, character, pig, boar

Acknowledgments

The work was performed within the framework of a state assignment; project No. FWSW-2021-0004 “Ethnocultural identity in the architectonics of folklore and literary texts of the peoples of the Baikal region”

For citation

Nikolaeva N. N. *Kogda Kaban Uchitel' razozhzhel pod zeml'ei svoi ogon'...: ob odnom personazhe buryatskoi mifologii* [When the Boar Teacher lights his fire under the ground...: one character of Buryat mythology]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 3 (iss. 47), pp. 78–88. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-78-88

История изучения и актуальность исследуемой темы. Образ Кабана Учителя или Кабана Мудреца *Гахай багша* в бурятской традиции имеет, по всей видимости, мифологическое происхождение с довольно глубокими и в то же время туманными корнями. Обычно он упоминается в работах исследователей в контексте сказочного сюжета из монгольского книжного источника, который в свою очередь восходит к индийскому первоисточнику [Баранникова, 1978, с. 237–251; Цыбикова, 2020, с. 9–10]. Сказки с данным персонажем были записаны на территории Республики Бурятия и Забайкальского края. Также он представлен в эпосе, народном календаре и шаманских призываниях бурят. *Гахай багша*, на наш взгляд, представляет собой уникальное явление. Сказочный герой *Гахай багша* отличается от эпического. Эпический *Гахай багша*, в свою очередь, не идентичен по семантике и функциям шаманскому персонажу. Может создаться впечатление, что речь идет о нескольких разных образах, объединенных одной номинацией. *Гахай багша* выделяется в ряду многочисленных и во многом однотипных богатырей, героев-трикстеров, ханов, чудесных помощников и т.д. благодаря мифологической составляющей своего образа. Поэтому актуальным представляется исследование истоков образа *Гахай багша*, его скрытой семантики в рамках древних мифологических воззрений бурят и монголов.

Цель работы. Целью работы является исследование образа *Гахай багша* во всех его ипостасях, выявление атрибутики, функций и семантики персонажа на сказочном, эпическом, шаманском материале, определение истоков его происхождения.

Материал исследования. Материалом послужили опубликованные тексты сказок, записанных у разных этнолокальных групп бурят [Бурятские народные сказки, 1973, с. 155–183; Бурятские народные сказки, 2008, с. 50–52; Небесная дева-лебедь, 1992, с. 47–50, 50–54; Цыбикова, 2020, с. 114–118]; аннотированные тексты улигеров [Бурчина, 2007]; изданные и архивные материалы С. П. Балдаева [Балдаев, 2013], (ЦВРК ИМБТ СО РАН¹, ф. 36, инв. № 1082), П. П. Баторова (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 14, инв. № 11); собственные полевые материалы автора (ПМА).

Образ Гахай багша – Кабана Мудреца / Кабана Учителя в сказках

В первую очередь внимание привлекает имя персонажа – *Гахай багша*, где *гахай* – бур., общ.-монг. ‘свинья, кабан’, *багша* – бур., общ.-монг. ‘учитель, преподаватель, наставник’. В некоторых вариантах его именуют *Гахай үзэлиэн Галбаа* ‘Кабан / Свинья гадатель Галба’, ‘Знахарь [по имени] Гахай Галба’, где *галбаа*, скорее всего, – искаж. русск. ‘голова’, т.е. ‘Знахарь Кабанья / Свиная Голова’. Другой вариант: *Гахай тугшэ*, в котором компонент *тугшэ* невозможно точно перевести или интерпретировать, поскольку имеется только переводной текст. Но в любом случае в имени персонажа всегда присутствует *гахай* ‘свинья, кабан’. Во избежание разночтения в работе будет употребляться только вариант *Гахай багша*.

¹ Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. См. также список «Архивные источники».

Рассматриваемый в эпосе, сказках, шаманских призываниях *Гахай багша* – однозначно антропоморфный персонаж, но наличие «свиного / кабаньего» компонента в имени наводит на мысль о его зооморфных истоках. Сказка с персонажем *Гахай багша* восходит к сюжету «Знахарь со свиной головой» из монгольского сборника «Волшебный мертвец», переводного изложения индийских «Двадцати пяти рассказов веталы» [Волшебный мертвец, 1958, с. 38–47; Двадцать пять рассказов веталы, 1958]. Исследователи отмечали, что от индийского первоисточника в монгольской среде была взята лишь структура обрамленной повести, сюжеты же, наполнившие ее, стали иными [Цыбикова, 2020, с. 10], т.е. образы и персонажи «Волшебного мертвеца», очевидно, принадлежат по большей части не индийской, а монгольской традиции. По нашему мнению, в «Двадцати пяти рассказах веталы» нет персонажа, которого можно идентифицировать как прототип *Гахай багша*, знахаря со свиной головой, а значит, сказочный *Гахай багша* – абсолютно монгольский персонаж.

Сказка была записана под разными названиями на территории современных Республики Бурятия и Забайкальского края, зафиксирована и в наши дни у шэнэхэнских бурят из Автономного района Внутренняя Монголия КНР, выходцев из Забайкальского края. По большей части она была известна среди бурят-буддистов, знавших старомонгольскую письменность и, соответственно, имевших возможность ознакомиться с ксилографическими изданиями и рукописными вариантами монгольского «Волшебного мертвеца». Предбайкальским бурятам этот сюжет не был известен, но у кударинских бурят, представителей эхиритских родов, переселившихся в районы Бурятии из Предбайкалья, был записан, по крайней мере, один вариант. В сказочной традиции других монгольских народов (калмыков, ойратов, халха-монголов) сказки о *Гахай багша* также представлены.

В сказочных сюжетах, в которых одним из действующих лиц выступает *Гахай багша*, можно выделить несколько значимых моментов:

1. Героя, ленивого охотника или простака, именуют либо он сам называет себя *Гахай багша*, целителем, мудрецом, знахарем. В текстах объяснений этому не дается. В некоторых вариантах герой имеет собственное имя, а *Гахай багша* – своего рода почетный титул. Примечательно употребление компонента *багша* – общ-монг. ‘учитель, преподаватель, наставник’ в сказочном контексте в значении ‘знахарь, лекарь, целитель, гадалщик, мудрец’, что очень близко к значению слова *бахши / баксы* / *бахши* у тюрков Средней Азии (киргизы, казахи, кыпчаки и др.), у которых оно обозначало лекаря, знахаря, шамана, исцеляющего больных, находящихся под влиянием злых духов [Религии Центральной Азии..., 2016, с. 233–234]. Другие персонажи, вовлеченные в «целительские» и «гадательные» мистификации *Гахай багша*, относятся к нему как к лицу с экстраординарными способностями, всезнающему и всеведующему мудрецу.

2. Непременным атрибутом лже-лекаря / знахаря / гадалщика выступает свиная / кабанья голова или свиной / кабаньих череп, при помощи которых он проводит своеобразные ритуалы в подражание шаманам или ламам, «находит» предметы, разоблачает оборотней. Поскольку *гахай* может означать и «свинья», и «кабан», то в сказке невозможно точно идентифицировать, чью голову / череп использует *Гахай багша*. Символика свиньи в традиционной культуре бурят имела негативную окраску. Со свиньей ассоциировались такие качества, как глупость, обжорство, жадность, неумеренность, неряшливость, лень. Более того, свинья считалась нечистым животным, ее мясо исключалось из рациона, а прикосновение к ней могло осквернить шамана или человека, имеющего шаманскую наследственность [Миллер, 2009, с. 256; Хангалов, 2004, с. 121–122].

Кабан, в отличие от свиньи, коннотировался не столь негативно. Он не принадлежал к ряду сакральных животных, был объектом охоты, и на него не распространялись представления как о нечистом животном. Хотя, по некоторым данным, кабана, наряду с барсуком, сусликом, кротом, лисой, могли считать одним из зловредных животных, находящихся в тесной связи с нижним миром мертвых, из-за его повадок – рыхления земли в поисках пищи [Содномпилова, Нанзатов, 2016, с. 49].

У некоторых групп бурят кабан почитался как тотемный первопредок. Среди хоринцев (Забайкалье) имеется род *бодонгууд* (‘кабаны’), происхождение которого некоторые исследователи возводят к киданям, у которых существовал культ кабана [Галданова, 1987, с. 50; Цыдендамбаев, 1972, с. 207]. У бурят Прибайкалья также имелся род, очевидно, возводивший свое происхождение к кабану, поскольку его основателями считались мальчик и девочка, спущенные небом на гору у устья реки Тунки и вскормленные дикой свиньей [Бадмаев, 2022, с. 150].

Развитый культ кабана существовал у закаменских хонгодоров. Они использовали клык кабана для очерчивания границы «выкупленной земли» в обряде *газар гуйха* в погребальной церемонии. При постройке жилища земля «освящалась» также клыком кабана, а затем под порогом дома закапывалась его голова [Галданова, 1987, с. 38]. В свадебной обрядности сваренную кабанью голову (наряду с конской и бараньей) как почетное блюдо *төөлэй* преподносили главному свату. Когда он уезжал домой, эту голову привязывали к седлу или торокам, и по дороге следовало избавиться от нее. Если сват привозил голову домой и / или употреблял ее в пищу, это грозило ему смертью. По мнению Г. Р. Галдановой, «закапывание головы кабана под порогом жилища и использование ее в качестве *төөлэй*... на свадьбе позволяют соотнести культ кабана с культом предков, т.е. с большой вероятностью предположить, что у предков отдельных групп бурят существовал древний тотемный культ кабана» [1987, с. 38–39].

У бурят существовали представления, согласно которым в свадебном пиршестве вместе с живыми «участвовали» и почившие предки: *хуримда хубхай толгой мухаряа* ‘на свадьбе сухой череп покатился’ [Бурятский героический эпос..., 2022, с. 130]. Считалось, что умершие, превратившись, т.е. воплотившись в череп (*хубхай толгой*), продолжают общаться с потомками и сородичами. Череп представлялся вместилищем *сүлдэ* (жизненной силы), символом духа-хранителя, предка, способного оказывать воздействие на живых. Подобные воззрения, очевидно, были общемонгольскими. В раннем монгольском летописном источнике «Сокровенное сказание монголов» отрезанной голове керейтского Ван-хана воздают почести и совершают обряд жертвоприношения [МНТ, 1990, с. 82]. Таким образом, дух предка, воплотившийся в кабаньей голове / черепе, был призван даровать потомкам плодородие, богатство, благополучие и т.д., и одновременно представлял опасность для живого человека, поэтому от него следовало избавиться. Можно предположить, что в нашем сказочном сюжете употребление свиного, но, вероятней всего, кабаньего черепа также подразумевает использование сакрального атрибута, в котором воплотился дух предка, дух-покровитель, долженствующий оказывать помощь шаману или своему потомку.

3. Иногда *Гахай багша* представлен не просто гадальщиком / знахарем / лекарем. В одном варианте говорится: «*Гахай багша* – это же хозяин всей земли... Ведь по всей земле *Гахай багша* знаменит. Искусный лекарь и мудрый перерожденец в наш дом вошел’ (перевод с бурятского наш. – Н. Н.) [Бурятские народные сказки, 1973, с. 161]. Лжегадатель принимает имя *Гахай багша* не просто так. В сказочном контексте *Гахай багша* известен и его статус высок. Однако представление о нем как знаменитом мудреце и перерожденце-*хубилгане* (т.е. буддийском святом) – это, несомненно, позднее буддийское привнесение, в отличие от более архаичного представления как о хозяине или властителя всей земли. Сказочный *Гахай багша* представляет собой типаж простака, который благодаря своей удаче и стечению обстоятельств выходит победителем из конфликтных ситуаций. Не сохранив прототипа *Гахай багша*, под чьим именем, как под маской, прячется герой-простак, сказка тем не менее сохраняет наиболее значимые его характеристики: свиной / кабаньей череп или голова в качестве сакрального атрибута, представление о нем как о хозяине земли.

Гахай багша как персонаж героического эпоса

В героическом эпосе персонаж под именем *Гахай багша* представляет собой иное явление. В улигере «Эрэ Тохолэй батор» *Гахай багша* – не то божество, сочетающее в себе шаманские и буддийские черты, не то священнослужитель высокого ранга, в силу своих религиозных достижений обретший полубожественный статус. Так, *Гахай багша лама* должен помочь главному герою Эрэ Тохолэй батору в поисках невесты. Здесь к имени прибавлен компонент *лама* ‘буддийский священник, монах’. Местонахождение *Гахай багша ламы* – в далекой земле, куда не долетит птица и не доскачет конь, где он сидит «[плотно] закрыв [отверстия?] семи подземелий-*тама*» (!) [Бурчина, 2007, с. 34]. Условия его появления напоминают обряд призывания божества: он должен появиться (показаться) в полнолуние, сидя верхом на голом свином черепе (!), держа под правой подмышкой черную книгу *дорлик* (шаманская книга предсказаний и гаданий, обрядник). При его появлении следует призывно манить, держа подушки-*олбоки* по направлению к полной луне, и он прибывает по Небесному Шву (Млечному Пути), по лучам звезд под покровом солнца и луны. Герой должен выставить ему обильное угощение-подношение в виде спиртных напитков и мяса. Эрэ Тохолэй батор выполняет все необходимые условия, *Гахай багша лама* прибывает, оседлав свиной череп, читает о невесте-суженой

в своей книге *дорлик* и подробно рассказывает герою о том, где она находится [Бурчина, 2007, с. 34–39]. На этом его роль в сюжете полностью исчерпывается, т.е. он – второстепенный персонаж и играет функцию окказионального чудесного помощника главного героя. Кроме этого, в варианте «Гэсэра» П. Тушемилова *Гахай багша* упоминается как *турушин* (тысяцкий) на свадьбе героя с одной из его жен, и его присутствие в сюжете абсолютно номинально [Тушемилов, 2000, с. 74].

Эпический *Гахай багша* как персонаж редок и, возможно, вообще встречается только в этих двух сказаниях. Как и у сказочного, атрибутом у него выступает свиной череп и проскальзывает некая связь с землей – он живет в не просто далекой неизвестной земле (иномирье), но сидит «[плотно] закрыв [отверстия] семи подземелий-тама». Кроме этого, эпический *Гахай багша* связывается и с небом, сакральным верхом, он спускается сверху, как божество.

Народный календарь. День, когда Гахай багша под землей разжигает свой огонь

Связь кабана / свиньи с землей в любом аспекте и в целом представление о том, что кабан является своего рода хозяином земли, прослеживается не только в эпическом фольклоре. Так, те же закаменские буряты, выходя на охоту на кабана, «вслух об этом не говорили, так как полагали, что земля – уши кабана (*газар шэхэтэй*)» [Галданова, 1987, с. 38]. В круг этого же понятия, очевидно, входит выражение *газар дуулаг, гахай шагнаг* (вар.: *гахай шэниээ*)! ≈ а) ни гугу!, ни слова об этом!, молчок!; б) об этом история умалчивает; тише воды, ниже травы (букв. 'пусть слушает земля, пусть услышит (обнюхает) свинья!') [БРС, 2006, т. 1, с. 188].

Представления о свинье / кабане – хозяине земли отчетливо прослеживаются в народном календаре. У некоторых групп бурят, кроме восточного циклического и общепринятого русского календаря, бытовал также календарь, приуроченный к церковным православным праздникам и отмечающий те или иные сезонные явления приметами. В этом календаре обозначен день 17 (30) марта, *Легсей – гахай багшын газар доро галаа түлхэ үдэр*, букв. 'Алексей – день, когда Свинья / Кабан Учитель под землей разводит свой огонь' [БРС, 2008, т. 2, с. 265]. Считалось, что в этот день земля начинает оттаивать. Если от земли шли испарения, то весенняя погода ожидалась теплой. Если испарений не было, то весна должна быть холодной. Существовало что-то вроде игры с детьми, когда им говорили: «Смотри, как Алексей будет разжигать огонь. Смотри, откуда идет дым. Дети оглядывались и, увидев где-нибудь восходящие от земли испарения, кричали: огонь разжег!» [Дашиева, 2015, с. 13]. Когда начинало теплеть, говорили: *Гахай багшамнай галаа түлөө* 'Гахай багша наш огонь свой разжег'; если было сыро и холодно: *Гахай багша нойтон модоор галаа түлөө* 'Гахай багша сырими дровами огонь свой растопил'. Оттаивание земли от зимней мерзлоты иногда объясняли тем, что свинья землю роет, от того и земля оттаивает, но более широко, очевидно, представлялось, что Кабан разжигает под землей огонь, и от этого земля оттаивает и наступает весеннее тепло.

В русском народном календаре 17 (30) марта – день Алексия Божьего человека, и с ним связаны практически идентичные приметы о наступлении тепла, погоде на весну. Таким образом, произошел «сплав» русского календаря с бурятскими представлениями, некое слияние образов Алексия и *Гахай багша*.

Насколько нам удалось выяснить, образ *Гахай багша*, разводящего под землей костер и согревающего землю, и связанные с ним поверья и приметы бытовали в Кижингинском (материалы Н. Б. Дашиевой), Хоринском и Еравнинском районах Республики Бурятия, Агинском бурятском округе Забайкальского края (ПМА²), т.е. в основном среди бурят-хоринцев (и проживавших с ними по соседству других групп), в среде которых, как было сказано выше, в древности существовал культ кабана, что маркирует род *бодонгууд* ('кабаны').

Слабые и завуалированные воззрения похожего плана прослеживаются у унгинских, боханских, осинских бурят-булагатов (Предбайкалье). Хотя у этих групп бурят не существовало представлений о Кабане, разжигающем весной под землей костер, у них бытовало выражение, произносимое старшими членами семьи при чихании ребенка: *нохойн хонзооһондо ороод, ногоони бултайхада гараарай*,

² Информанты – женщина 1950 г.р., уроженка с. Цокто Хангил Агинского бурятского округа Забайкальского края; женщина 1946 г.р., уроженка с. Амгаланта Хоринского района Республики Бурятия; женщина 1974 г.р., уроженка с. Амгаланта Хоринского района РБ; мужчина 1975 г.р., уроженец с. Исинга Еравнинского района Республики Бурятия.

гахайн хонзооһондо ороод газари гэдхэдэ гараарай! ‘Войди в anus собаки и выйди [оттуда], когда покажется трава; войди в anus свиньи и выйди [оттуда], когда оттает земля’ (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 14, инв. № 11, л. 2, 3; ПМА³). У П. П. Баторова есть объяснение этой присказке. При чихании душа ребенка может вылететь из тела. Она может не вернуться, ее могут схватить злые духи, и тогда ребенок умрет. Чтобы этого не случилось, душе указывается своеобразный «путь»: забраться в нечистые места – anus свиньи или собаки. Душа отдает предпочтение своему прежнему местопребыванию и возвращается обратно в тело. Возможно, здесь подразумевался и охранительный аспект – чтобы не попасться духам, душа должна была спрятаться в собаке или свинье. Соответственно, эти животные обладали апотропейными функциями.

В приведенном выше выражении семантика хозяина земли объединяет свинью / кабана и собаку, составляющих мифологическую пару божеств-хозяев. При этом и собака, и свинья / кабан ассоциировались не просто с землей, а с оттаивающей землей, весенним теплом, началом роста трав, что наблюдается и в образе *Гахай багша*, разжигающем весной свой подземный огонь.

Связь кабана / свиньи с защитой души ребенка, возможно, восходит к существовавшему у древних монголов культу веоря с почитанием божества с теонимом *Хадарган Хар тэнгри*, где *Хадарган* ‘матерый дикий веоря 4-5 лет’, *хар* ‘черный’, *тэнгри* / *тэнгэр* ‘небо, небожитель, божество’. Основной его функцией было дарование потомства (детей) [Бурчина, 2007, с. 36]. Очевидно, это же божество было известно под именем *Хадарган Хар Буман*, «чей мифологический образ содержит общий функциональный аспект с Хухэдэй Мэргэн тэнгрием по линии атмосферно-грозовых божеств или буумал тэнгриев» [Дугаров, 2011, с. 63]. Таким образом, у древних монголов божество, вероятно, представлявшееся в образе небесного веоря (*Хадарган Хар тэнгри*, *Хадарган Хар Буман*), связывалось с плодородием и деторождением через свою функцию ниспослания небесной влаги, соотносящуюся с представлениями о грозе как плодородном акте между небом и землей и дожде как небесном семени, дающем жизнь.

Хозяин земли Гахай багша в шаманском пантеоне

Гахай багша отмечился и в шаманской мифологии бурят. Так, у кударинцев *Гахай багша* считался хозяином земли и первым человеком, поселившимся в Кударе. Полное его имя – *Газарай эээн Гахай багша*, *Унагай баатар* – букв. ‘Владыка земли Кабан Учитель, богатырь Унагай’. Также его именовали *Дайдын эээн Даланта ноен* с супругой *Дэлүүтэ хатан* (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 36, инв. № 1082, л. 11–13). *Даланта* ‘имеющий жир на загривке’, т. е. *Дайдын эээн Даланта ноён* букв. ‘Владыка вселенной / земли Имеющий жир на загривке нойон’. *Дэлүүтэ* можно возвести к *дэлюун* со значением ‘селезенка’, т. е. *дэлүүтэ* – *дэлюутэ* букв. ‘имеющая селезенку’, либо к *дэлюун* ‘широкий, просторный, обильный, изобильный; ширь, просторы’, *дэлюутэ* ‘имеющая просторы, раздолье’. Но, на наш взгляд, *дэлүүтэ* – это диал. *дэлхэтэ* ‘имеющая гриву, гривастая’, так как в байкалокударинском говоре бурятского языка наблюдается выпадение фарингального [h] в трех- и более слоговых словах с образованием долгих гласных в результате стяжения следующих простых, оказавшихся рядом гласных, как, например: *анзуун* вместо лит. бур. *анзаһан* ‘соха’, *элүүн* вместо лит. бур. *элһэн* ‘песок’, *загуун* вместо лит. бур. *загаһан* ‘рыба’, *дабуун* вместо лит. бур. *дабһан* ‘соль’ и т. д. [Митрошкина, Семенова, 2004, с. 39].

Гахай багша считался хозяином *Дайдын тайлган* (*тайлгана* земли), проводимого 23–24 июня, на котором просили дождя, урожая трав и хлебов [Балдаев, 2013, с. 514–515]. Согласно рукописным источникам С. П. Балдаева, *Гахай багша* призывали и на тайлгане *Дайдын үбгэдтэ*, посвященном земным старцам, т. е. почитаемым предкам, и просили деторождения, приплода скота и присмотра за стадами и табунами, удачи в рыболовном промысле и богатого улова (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 36, инв. № 1082, л. 11, 12).

Еще один вариант наименования хозяина земли у кабанских бурят – *Дэлхэйн эжэн Дэлүүтэ ноен баабай*, *Гахай ехэ багша*, *Унагай ехэ баатар хүн* – букв. ‘Владыка земли, Имеющий гриву Господин отец, Кабан великий учитель, Унагай великий богатырь’ (перевод наш. – Н. Н.) [Бадмаев, 2022, с. 150–151]. Супругу именуют *Дэрсэ хатан* и, по мнению исследователя А. А. Бадмаева, ее имя – производное от *дэрсыхэ* ‘оттопыриваться (об ушах)’, что передает особенности ушей дикой свиньи,

³ Информант – женщина 1956 г.р., уроженка д. Онгой Осинского района Иркутской области.

длинных, острых и стоячих. Также исследователь предполагает, что в представлениях бурят кабан мог обладать символикой плодородия, дождя, небесной воды, так как в шаманских призываниях у хозяина земли *Гахай багша* просили дождя, урожая хлебов и трав [Там же]. Подобная семантика напрямую соотносится с культом кабана и почитания *Хадарган Хар тэнгрия* у древних монголов, о чем говорилось выше. Здесь можно вспомнить эпического *Гахай багша*, который, словно божество, прибывает с небес и помогает герою найти невесту, т. е. его функцию можно расшифровать тоже в своем роде как способствующую деторождению, продолжению рода.

В образе хозяина земли *Гахай багша* с титулатурой, включающей номинации *дайдын / дэлхэйн эээн, даланта ноен / дэлуутэ хатан*, по нашему мнению, прослеживается контаминация нескольких образов:

1. Мифологический *Гахай багша*, аккумулирующий в себе представления о земле как кабане и представления о хозяине земли – кабане, разжигающем весной свой костер. В этом аспекте земля, возможно, представала в образе плодовой свиньи / кабана, оттаивая весной и рождая в изобилии травы и плоды. Известно, что в западной античной культуре Деметры, богиня плодородия и хлеба, и ее дочь-двойник Персефона первоначально представлялись в образе свиньи. Позднее свинья была жертвенным животным Деметры, ее изображали несущей свинью или в сопровождении свиньи [Фрэзер, 2001, с. 67]. В воззрениях народов Северной и Восточной Европы считалось, что в кабане / свинье воплощается «дух хлеба» [Там же, с. 61–63], т.е. плодородная сила земли.

С другой стороны, символика свиньи / кабана, коррелирующая с представлениями о земном плодородии, прослеживается также и на Востоке, в буддизме. Несмотря на то, что свинья в целом несла негативную семантику, символизируя один из трех грехов (невежество и жадность), в тибетском буддизме обнаруживается божество Ваджраварахи (санскр. vajravārāhī ‘Алмазная Свинья (веприца)'). Это одна из ипостасей богини Тары, которую изображали с головой свиньи над правым ухом, либо имеющей три головы, левая из которых была свиной, а ее воплощения имели тело женщины и лицо свиньи, либо могли оборачиваться дикой свиньей⁴. Она представлялась, в числе всего прочего, как источник плодородия и жизни. Считалось, что Ваджраварахи являлась к святым с наставлениями по медитативной практике [Музраева, 2022 с. 381]. Возможно, компонент *багша* ‘учитель, наставник’ в имени *Гахай багша* можно расшифровать также и в этом аспекте, хотя, безусловно, *Гахай багша* сам по себе не буддийский персонаж.

2. Владыка земли или хозяин местности, парный образ которого в шаманской мифологии практически всегда имел эпитетику *даланта / дэлхэтэ*. Л. С. Дампилова указывает: «В синонимичных именах хозяев земли и вселенной (*Даланта/Далагар, Дэлэсэтэ/Дэлгэр*) кодируется их творящее начало. Слово *дэлхэй* ‘вселенная’ обозначает все мироздание, и в песнопении имена божеств *Дэлэсэтэ* ‘с гривой’ и *Дэлгэр* ‘просторный’ символизируют обилие и изобилие. Примечательно имя хозяина земли, архетипически связанное с древним тюрко-монгольским мифом: образ вселенной в виде скачущего жеребца. Конь как священное, солярное животное в монгольской культуре универсально обозначает предковое начало» [Дампилова, 2012, с. 151].

На наш взгляд, в номинации хозяев земли у кударинских бурят прослеживается смешение реминисцентных представлений о хозяине земли как коне и как кабане / свинье. Можно осторожно предположить, что кударинские буряты включили *Гахай багша* в ряд хозяев земли и местности, позаимствовав представления о нем у проживавших рядом других родов, в частности, хоринских, уже после своего переселения на территорию современного проживания, поскольку в шаманском пантеоне и призываниях эхиритов и булагатов Предбайкалья такого персонажа, как *Гахай багша*, однозначно нет. Не исключено, что шаманский *Гахай багша* является своего рода двойником календарного.

Выводы

Итак, образ *Гахай багша*, Кабана Учителя или Кабана Мудреца, представляет собой довольно интересное явление. Присутствуя в сказках, эпосе, шаманских призываниях и мифологических представлениях бурят, он имеет различный статус. Сказочный *Гахай багша* это своего рода титул или маска, под которыми скрывается другой герой, и он наиболее далек от своих мифологических кор-

⁴ Ваджраварахи // abhidharma.ru [Электронный ресурс].

URL: <https://abhidharma.ru/A/Tantra/Content/Cadhana/Vajravarahi.htm>; дата обращения: 07.06.2023.

ней. Эпический *Гахай багша* – персонаж, наделенный чертами божества смешанного буддийско-шаманского характера. В шаманском же пантеоне *дайдын эээн Гахай багша* причислен к ряду владык земли, хозяев местности, функцией которых было наделение плодородием, чадородием, расплодом скота, весенними и летними дождями, урожаем трав и хлебов. Сказочного и эпического *Гахай багша* объединяет атрибутика (свиной / кабаньей череп) и связь с землей в различных аспектах, завуалированная или очевидная, которая наиболее полно сохранилась в мифологических представлениях народного календаря о Кабане, разжигающем весной свой костер, и шаманских представлениях о нем как о хозяине Земли. На наш взгляд, образ *Гахай багша* уходит корнями в древнемонгольские и в целом довольно распространенные в мировой культуре представления о кабане / вепре / свинье, символизирующих плодородие и чадородие, воплощающих продуцирующую силы земли и живительную силу небесной воды. В качестве божества он представал, очевидно, в виде небесного вепря и в то же время являлся воплощением самой плодородной земли. Кроме того, семантика образа *Гахай багша* включает и реминисцентные отсылки к культу кабана-первопредка, бытовавшего не только у бурят, но и других монгольских народов. Появление *Гахай багша* в фольклорно-мифологическом пространстве бурят, очевидно, произошло через хоринцев, в силу исторических причин более длительно пребывавших в сфере влияния монгольского мира и сохранивших древнемонгольские мифологические и тотемистические представления.

Список литературы

- БРС – Буряад-ород толи = Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республ. типография, 2006. Т. 1: А–Н. 636 с.; 2008. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Бадмаев А. А. Дикая свинья в традиционном мировоззрении и обрядности бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия история, филология. 2022. Т. 21, № 5: Археология и этнография. С. 145–156.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013. 710 с.
- Баранникова Е. В. Бурятские волшебные-фантастические сказки. Новосибирск: Наука, 1978. 254 с.
- Бурчина Д. А. Героический эпос унгинских бурят: Указатель произведений и их вариантов. Новосибирск: Наука, 2007. 544 с.
- Бурятские народные сказки. Волшебные-фантастические / Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 462 с.
- Бурятские народные сказки. Волшебные. Бытовые / Сост. С. С. Бардаханова, С. Д. Гымпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 188 с.
- Бурятский героический эпос «Хүйлэн хүхэ морьтой Хүхэлдэй Мэргэн хүбүүн. Хүхэрдэй Мэргэн» / Науч. пер., предисл., коммент., примеч., словарь непереведенных слов Н. Н. Николаевой. Корректурa бурятского текста, редакция пер. Б.-Х. Б. Цыбиковой. Улан-Удэ: Республ. типография, 2022. 360 с.
- Волшебный мертвец. Монголо-ойратские сказки / Пер. акад. Б. Я. Владимирцова. Изд. 2-е. М.: Вост. лит., 1958. 159 с.
- Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.
- Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Вост. лит., 2012. 263 с.
- Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 239 с.
- Двадцать пять рассказов веталы / Пер. с санскрита И. Серебрякова. М.: Худ. лит., 1958. 147 с.
- Дугаров Б. С. Хухэдэй Мэргэн: феномен божества-героя // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2011. Т. 10, вып. 4: Востоковедение. С. 60–64.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтше; пер. с нем. А. Х. Элерт. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Митрошкина А. Г., Семенова В. И. Языковые особенности эхиритских и булагатских бурят: Учеб. пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. 71 с.

Музраева Д. Н. Сочинение «Сутра, повествующая о мыслях свиньи» из монгольского Ганджура // Новый филологический вестник. 2022. №1 (60). С. 376–384.

Небесная дева-лебедь: Бурятские сказки, предания и легенды / Сост., зап. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова; пер. и предисл. А. И. Тугутова; коммент. И. Е. Тугутова, А. И. Тугутова, Л. Н. Нуркаевой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.

Религии Центральной Азии и Азербайджана. Самарканд: МИЦАИ, 2016. Т. 1. Традиционные верования и шаманизм. 312 с.

Тушемилов П. М. Абай Гэсэр / Науч. зап. Т. М. Болдоновой; пер., вступ. ст. и послесл. С. Ш. Чагдурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. 256 с.

Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Зооморфный код в контексте этногенетических связей: лиса в традиционных представлениях монгольских народов // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 15. С. 48–63.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 2: Гл. XL-LXIX. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 496 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: В 3-х т. Улан-Удэ: Республ. типография, 2004. Т. 2. 312 с.

Цыбикова Б.-Х. Б. Фольклор бурят Внутренней Монголии КНР. Сказки. Иркутск: Оттиск, 2020. 336 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

МНТ – Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов. Улаан-Үдэ: Буриадай номой хэблэл, 1990. 318 н.

Архивные источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук), ф. 14, инв. № 11. Рукописное наследие П. П. Баторова. Рег. 11. Обычай.

ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 36, инв. № 1082. Балдаев С. П. Материалы по шаманству бурят Байкало-Кудары. 1938 г.

References

Badmaev A. A. *Dikaya svin'ya v tradicionnom mirovozzrenii i obryadnosti buryat* [Wild pig in the traditional worldview and rituals of the Buryats]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2022, vol. 21, no. 5: Archeology and Ethnography, pp. 145–156. (In Russ.).

Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat* [Genealogical stories and legends of the Buryats]. Ulan-Ude, Buryat State Univ. Publ., 2013, 710 p. (In Buryat, in Russ.).

Barannikova E. V. *Buryatskie volshebno-fantasticheskie skazki* [Buryat magical and fantastic fairy tales]. Novosibirsk, Nauka, 1978. 254 p. (In Russ.).

Burchina D. A. *Geroicheskiy epos ungin'skikh buryat: Ukazatel' proizvedeniy i ikh variantov* [The heroic epic of the Unga Buryats: An index of works and their variants]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 544 p. (In Buryat, in Russ.).

Buryaad-orod toli: V 2 t. [Buryat-Russian dictionary: In 2 vols.]. Ulan-Ude, Respubl. tipogr., 2006, vol. 1: A–N. 636 p.; 2008, vol. 2: O–Ya. 708 p. (In Buryat, In Russ.).

Buryatskie narodnye skazki. Volshebno-fantasticheskie [Buryat folk tales. Magic and fantastic]. E. V. Barannikova, S. S. Bardakhanova, V. Sh. Gungarov (Comps.). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1973, 462 p. (In Buryat, in Russ.).

Buryatskie narodnye skazki. Volshebnye. Bytovye [Buryat folk tales. Magical. Everyday]. S. S. Bardakhanova, S. D. Gympilova (Comps.). Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2008, 188 p. (In Buryat, In Russ.).

Buryatskiy geroicheskiy epos "Khyylen khykhe mor'toy Khykheldey Mergen khybyyn. Khykherdey Mergen" [The Buryat heroic epic "Khujlen khukhe mor'toj Khukheldej Mergen khubuun. Khukherdej Mergen"].

N. N. Nikolaeva (Sci. transl., preface, comm., notes, dict. of untransl. words). B.-Kh. B. Tsybikova (Proof-reading of the Buryat text, ed.). Ulan-Ude, Respubl. tipogr. 2022, 360 p. (In Buryat, in Russ.).

Dampilova L. S. *Shamanskije pesnopeniya buryat: simbolika i poetika* [Shamanic chants of the Buryats: symbolism and poetics]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, Vost. lit., 2012, 263 p. (In Russ.).

Dashieva N. B. *Kalendar' v traditsionnoj kul'ture buryat: opyt istoriko-etnograficheskogo i kul'turno-geneticheskogo issledovaniya* [Calendar in the traditional culture of the Buryats: experience of historical-ethnographic and cultural-genetic research]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, Nauka, Vost. lit., 2015, 239 p. (In Russ.).

Dugarov B. S. *Khukhedej Mergen: fenomen bozhestva-geroya* [Khukhedei Mergen: the phenomenon of the deity-hero]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2011, vol. 10, iss. 4: Oriental Studies, pp. 60–64. (In Russ.).

Dvadtsat' pyat' rasskazov vetaly [Twenty-five stories of vetala]. I. Serebryakov (Transl. from Sanskrit). Moscow, Khudozh. lit., 1958, 147 p. (In Russ.).

Frazer J. G. *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii: V 2 t.* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion: In 2 vols.]. Moscow, TERRA-Knizhnyy klub, 2001, vol. 2, ch. XL–LXIX, 496 p. (In Russ.).

Galdanova G. R. *Dolamaistskie verovaniya buryat* [The Dolamaist beliefs of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 115 p. (In Russ.).

Khangalov M. N. *Sobranie sochineniy: V 3-kh t.* [Collected works: In 3 vols.]. Ulan-Ude, Izd. Respubl. tipogr., 2004, vol. 2, 312 p. (In Buryat, in Russ.).

Miller G. F. *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian peoples]. A. Kh. Elert, V. Hintzsche (Eds.), A. Kh. Elert (Transl. from German). Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009, 456 p. (In Russ.).

Mitroshkina A. G., Semenova V. I. *Yazykovye osobennosti ekhirsitskikh i bulagatskikh buryat: Ucheb. posobie* [Linguistic features of the Ekhirite and Bulagat Buryats: Textbook]. Irkutsk, ISU Publ., 2004, 71 p. (In Buryat, in Russ.).

Mongoloy nyuusa tobsho. Sokrovennoe skazanie mongolov [The secret history of the Mongols]. Ulaan-Ude, Buryat Book Publishing House, 1990, 318 p. (In Buryat, In Russ.).

Muzraeva D. N. Sochinenie “Sutra, povestvuyushchaya o myslyakh svin’i” iz mongol’skogo Gandzhura [The essay “Sutra telling about the thoughts of a pig” from the Mongolian Ganjur]. *The New Philological Bulletin*. 2022, no. 1 (60), pp. 376–384. (In Russ.)

Nebesnaya deva-lebed': Buryatskie skazki, predaniya i legendy [Heavenly Swan Maiden: Buryat fairy tales, legends, and stories]. I. E. Tugutov, A. I. Tugutov (Comp., record.); A. I. Tugutov (Transl., preface); I. E. Tugutov, A. I. Tugutov, L. N. Nurkaeva (Comm.). Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd., 1992, 368 p. (In Russ.).

Religii Tsentral'noy Azii i Azerbaydzhana [Religions of Central Asia and Azerbaijan]. Samarkand, IICAS, 2016, vol. 1: Traditsionnye verovaniya i shamanizm [Traditional beliefs and shamanism]. 312 p. (In Russ.).

Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Zoomorfnyy kod v kontekste etnogeneticheskikh svyazey: lisa v traditsionnykh predstavleniyakh mongol’skikh narodov [Zoomorphic code in the context of ethnogenetic connections: the fox in the traditional representations of the Mongolian peoples]. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2016, vol. 15, pp. 48–63. (In Russ.).

Tsybikova B.-Kh. B. *Fol'klor buryat Vnutrenney Mongolii KNR. Skazki* [Folklore of the Buryats of Inner Mongolia of the PRC. Fairy tales]. Irkutsk, Ottisk, 2020, 336 p. (In Buryat, in Russ.).

Tsydendambaev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye. Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie* [Buryat historical chronicles and genealogies. Historical and linguistic research]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1972, 662 p. (In Russ.).

Tushemilov P. M. *Abaj Geser* [Abaj Geser]. Scient. note by T. M. Boldonova; trans., intr. article and afterword by S. Sh. Chagdurov. Ulan-Ude, Publishing House of Buryat State University, 2000. 256 p. (In Buryat, In Russ.).

Volshebnyy mertvets. Mongolo-oyratskie skazki [A magical dead man. Mongol-Ojrat fairy tales]. Akad. B. Ya. Vladimirtsov (Transl.). 2nd ed. Moscow, Vost. lit., 1958, 159 p. (In Russ.).

Archival sources

Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology, and Tibetology, SB RAS. F. 14, inv. 11. Rukopisnoe nasledie P. P. Batorova. Reg. 11. Obychai [The handwritten legacy of P. P. Batorov. Reg. 11. Customs].

Center for Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology, and Tibetology, SB RAS. F. 36, inv. 1082. Materialy po shamanstvu buryat Baykalo-Kudary. 1938 g. [Baldaev S. P. Materials on shamanism of the Baikal-Kudara Buryats. 1938].

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
14.06.2023*

Сведения об авторе

Николаева Наталья Никитична – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: natanika80@mail.ru

ORCID 0000-0002-4903-7387

WOS ResearcherID AGO-3016-2022

Information about the Author

Natalia N. Nikolaeva – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: natanika80@mail.ru

ORCID 0000-0002-4903-7387

WOS ResearcherID AGO-3016-2022